

УДК 81-139
 Науч. спец. 5.9.8

DOI: 10.36809/2309-9380-2022-37-115-120

Людмила Александровна Морина

Новосибирский государственный технический университет, кандидат филологических наук, доцент,
 доцент кафедры филологии факультета гуманитарного образования, Новосибирск, Россия
 e-mail: ludmila200273@mail.ru

Элокутивная специфика медицинских массмедийных текстов турбулентного периода в аспекте риторического декодирования

Аннотация. В рамках концепции риторического декодирования текста осуществлена лингвориторическая реконструкция элокутивной стратегии, реализованной в ходе создания массмедийных текстов турбулентного периода — пандемийных интервью ведущих врачей России Д. Проценко и М. Лысенко. В результате анализа выявлены средства репрезентации тактик авторизации и адресации в исследуемых медиатекстах. Отмечены случаи комбинаторики адресации и авторизации. С помощью элементов SEO-технологии обнаружены ключевые слова, выступающие индикатором тактики аксиологической экспликации. Делается вывод о диалогичности и публичности медицинских массмедийных текстов пандемийного времени как результате реализации элокутивной стратегии текстообразования.

Ключевые слова: пандемия, массмедийный текст, риторическое декодирование, лингвориторическая реконструкция текстообразования, элокутивная стратегия, тактика, диалогичность.

Lyudmila A. Morina

Novosibirsk State Technical University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
 Associate Professor of the Philology Department of the Faculty of Humanities, Novosibirsk, Russia
 e-mail: ludmila200273@mail.ru

Elocutionary Specificity of Medical Mass Media Texts of the Turbulent Period in the Aspect of Decoding Rhetoric

Abstract. Within the framework of the concept of rhetorical text decoding, a linguo-rhetorical reconstruction of the elocutionary strategy was carried out, implemented in the course of creating mass media texts of the turbulent period — pandemic interviews of the leading Russian doctors D. Protsenko and M. Lysenko. As a result of the analysis, the means of representing authorization and addressing tactics in the studied media texts were identified. Cases of combinatorics of addressing and authorization are noted. With the help of elements of SEO technology, keywords were found that act as an indicator of the tactics of axiological explication. The conclusion is made about the dialogueness and publicity of medical mass media texts of the pandemic time as a result of the implementation of the elocutionary strategy of text formation.

Keywords: pandemic, mass media text, decoding rhetoric, linguo-rhetorical reconstruction of text formation, elocutionary strategy, tactics, dialogueness.

Введение (Introduction)

Актуальность настоящего исследования связана с необходимостью осмысления лингвориторической специфики медиатекстов, функционирующих в период глобальной турбулентности, вызванной пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Как заключает М. А. Кронгауз, «эпоха коронавируса и карантина не только отразилась в некотором количестве новых слов и значений, она революционным образом изменила нашу коммуникацию...» [1, с. 742].

Развивая мысль ученого, мы направляем вектор исследований не на технологические и речевые особенности онлайн-коммуникации, а на проблему диагностирова-

ния эффективности текстообразования, решение которой позволит расширить представления о связи медиатекста как осознанного продукта мыслеречевой практики с внетекстовой действительностью, о его функционале в качестве инструмента регулирования социальной реальности.

Очевидно, что коммуникация турбулентного времени требует «сближения сознаний» (Х. Перельман), поддержания устойчивого межличностного, межгруппового и массмедийного диалога как инструмента преодоления кризисного состояния индивидуума и общества. В пандемийное время роль таких диалогизирующих акторов начинают играть врачи, выступая в несвойственной им функции медиатеделей.

© Морина Л. А., 2022

Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2022, № 4 (37), с. 115–120.
 Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research, 2022, no. 4 (37), pp. 115–120.

Так, материалом настоящего исследования выступают тексты интервью главного врача Городской клинической больницы (ГКБ) № 40 в Коммунарке, внештатного специалиста по анестезиологии-реаниматологии департамента здравоохранения г. Москвы Д. Н. Проценко и главного врача ГКБ № 52 г. Москвы М. А. Лысенко, данные различным средствам массовой информации в турбулентные 2020–2022 гг.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении в медицинских массмедийных текстах периода пандемии средств репрезентации диалогичности и публичности как результата элокутивной стратегии текстообразования и реализующих ее тактик.

Методы (Methods)

Риторическое декодирование текста (далее — РДТ) — обосновываемая нами концепция, направленная на осмысление механизмов текстообразования с позиции оценки их эффективности. РДТ формируется в русле интегративной теории понимания, объединяющей широкий спектр научных направлений — от философской и филологической герменевтики до психолингвистических и когнитивно-дискурсивных подходов к моделированию процессов восприятия и понимания речи. Теоретические основания РДТ уходят корнями в работы И. В. Арнольд, Н. А. Безменовой, Г. И. Богина, Х.-Г. Гадамера, П. Я. Гальперина, Т. ван Дейка и В. Кинча, Ф. Джонсон-Лэрда, А. А. Леонтьева, А. А. Залевской, И. А. Зимней, Р. Рорти, Ю. А. Сорокина, Г. П. Щедровицкого и многих других ученых.

Кроме того, на концептуальные целеустановки РДТ влияют и современные прикладные исследования, эксплуатирующие риторическую теорию [2; 3].

Настоящее исследование базируется на учете следующих теоретических положений РДТ:

- эффективный текст — свидетельство осознанного подхода к текстовой деятельности, результат следования риторическому канону как технологии, воспроизводящей универсальный идеоречевой цикл, куда входят инвентивный, диспозитивный и элокутивный этапы [4, с. 43];

- «порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line)» [5, с. 171]. Признание аксиоматичности данного положения позволяет говорить об инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегиях текстообразования, выступающих методологическим ориентиром для декодирующего;

- реконструирование текстообразующего замысла продуцента осуществляется путем активации декодирующим текстотипа-образца — когнитивной структуры, объективирующей идею текстовой эффективности в системе задаваемых моделью коммуникативного контекста параметров, таких как диалогичность, публичность, аргументированность, персуазивность, актуальность, акциональность, технологическая осознанность [6, с. 306].

Ведущим методом РДТ выступает **лингвориторическая реконструкция текстообразования**. Цель метода состоит в обнаружении представлений продуцента об образцовом текстотипе, получающем то или иное воплощение в конкретном тексте, что позволяет декодирующему выявлять стратегии и тактики текстообразования, средства

их вербализации, а также определять зоны риторических рисков, возникающих в ситуациях несоответствия риторической ментальной модели [7, с. 15–19].

В рамках РДТ мы опираемся на разделяемое исследователями концептуальное утверждение о возможности применения к медиатексту, имеющему персуазивно-перлокутивную природу, категориально-методологического аппарата риторики [8, с. 11–12].

Кроме того, для выявления ценностных доминант, вербализованных в тексте, используются элементы контент-анализа, а именно такая его процедура, как семантико-прагматический анализ, который соотносит эффект текста со значениями определенных слов или предложений [9, с. 99–101].

Литературный обзор (Literature Review)

Активные процессы в лексике, семантике и словообразовании, формирующие пандемийный дискурс, оказались оперативно описанными уже в 2020–2021 гг. Так, заметной реакцией лингвистического сообщества на актуальную языковую ситуацию стали сборник научных статей [10] и коллективная монография о языке коронавирусной эпохи [11], подготовленные и изданные Институтом лингвистических исследований Российской академии наук.

Тем не менее исследование персуазивной природы медиатекстов периода пандемии, медиадискурсологические и лингвориторические аспекты пандемийной речевой практики остаются открытой областью исследовательских изысканий.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Интересующая нас элокутивная стратегия создания текста нацелена на завершение «идеоречевого цикла, в котором реализуется переход от концептуального уровня к языковому. Непосредственно в самой элокуции осуществляется “вербализация” мысли» [4, с. 42].

Гипотеза исследования, сформированная в рамках РДТ, заключается в том, что в результате следования элокутивной стратегии текст приобретает такие свойства, как диалогичность и публичность. При этом диалогичность задается такими составляющими модели коммуникативного контекста, как адресант и адресат, а публичность — обстоятельствами общения, что требует от продуцента, помимо доступных средств экспликации авторского замысла и речевой выразительности, еще и демонстрации ценностей, актуальных для реципиентов. Соответственно, элокутивная стратегия получает реализацию в следующих объективирующих ее текстотипах: авторизации, адресации, аксиологической экспликации.

Тактика авторизации

Авторизация — способ субъективации речи, инструмент выражения «Я» говорящего, обеспечивающий установление и поддержание коммуникативного контакта. В традиционной риторической практике ядро средств авторизации составляют эгоцентрические единицы языка: личные местоимения 1-го лица, формирующие так называемые *я-* и *мы-*высказывания, а также вводные слова и обороты как показатели субъективной модальности.

Местоимение-эгоцентрик «я» в первую очередь эксплицирует говорящего, поскольку «в норме имеет конкретно-референтный статус» [12, с. 360]. Я-высказывания демонстрируют непосредственную причастность субъекта речи к сообщаемому, что повышает, с одной стороны, персональную ответственность за транслируемую информацию, с другой — уровень доверия аудитории.

В речевых партиях интервью Д. Проценко и М. Лысенко активно эксплуатируются я-высказывания:

Я... не истина в последней инстанции; **Я знаю, что я могу** в любую точку **набрать** телефон...; **Я лишил себя** счастья раз в неделю общаться со своими родителями... [13]; **Я** всей своей нормальной человеческой, не врачебной логикой **не могу понять**, как можно заразиться фрагментом вакцины; **...Я** с первого дня **говорил**, что вакцинация — это не защита от инфицирования; **Я думаю**, что в России от России не уйти; **Я хочу поменять и помочь перезагрузить** систему здравоохранения [14]; **Я не могу сказать**, что ощущается активное эмоциональное выгорание...; **Мне кажется**, что **я** никогда так **не волновалась**... [15]

Отметим, что частотность использования я-высказываний у Д. Проценко значительно выше, чем у М. Лысенко, которая отдает предпочтение коллективному профессиональному «мы»:

Мы не совсем в коронавирусе, мы работаем с пациентами с коронавирусной инфекцией. <...> Конечно, за два года **мы приобрели** много знаний об этой инфекции, **мы выстроили** все свои процессы внутри...; **Мы считаем**, что рано или поздно коронавирусная инфекция, безусловно, не будет такой агрессивной... [15]; **...Мы занимаемся** людьми в том числе и с скомпрометированным иммунитетом... [16]

Передавая свое эмоциональное отношение к сообщаемому, М. Лысенко сопрягает перволичные местоимения-эгоцентрики я и мы с притяжательным местоимением наши, усиливая свое позиционирование в качестве неотъемлемой части трудового коллектива:

...У нас такой эмоциональный подъем, **я** бы сказала, направленный на какие-то научные изыскания, новые протоколы, новые предложения. Что касается **нашего** коллектива, то **я** безумно благодарна людям, **я** не устаю повторять, за то, что ни один человек из **нашего** основного штата не развернулся и не ушел [15].

Безусловно, и Д. Проценко, выступая, по сути, фронтменом медицинского сообщества, подчеркивает коллективный характер реализуемой антиковидной практики:

Мы создали внутри нашей больницы центр вакцинации для сотрудников и родственников...; **Мы активно применяем** у пациентов в тяжелом состоянии... биологически активные препараты, ингибиторы интерлейкина-6... [14]

Авторизация легко декодируется аудиторией, когда референциальная отнесенность индексального знака мы не вызывает сомнений, свидетельством чего и выступают исследуемые тексты. Здесь дейктическая единица мы однозначно указывает на главных врачей и их коллег-единомышленников, исключая риторические риски.

Эгоцентричность связана и с использованием вводных слов и оборотов как средств выражения субъективной модальности. В речи М. Лысенко их особенно много, что позволяет квалифицировать их в качестве индикатора идиостилевого своеобразия:

Безусловно, люди, которые только что прошли вакцинацию, должны внимательно за собой следить...; Ситуация ожидаемая, **к сожалению** [16]; **Безусловно**, серьезно страдают категории населения, которые не получили вакцинацию...; В настоящее время мы, **безусловно**, очень много читаем того, что выпускают наши коллеги...; Но мне, **безусловно**, больше всех помнится пациент «ноль»... **действительно**, было много раздумий...; Мы, **естественно**, оптимисты; **Конечно**, пациентов было огромное количество уже за этот период...; Ну, **конечно**, люди устали [15].

Очевидным лидером в речевых партиях М. Лысенко становится вводное слово безусловно, выражающее оценку достоверности информации, кроме того, частотны конечно, действительно, естественно, усиливающие эффект соответствия ожиданию. В условиях турбулентности такие средства становятся способами искоренения неуверенности, сомнения, страха.

Тактика адресации

Краеугольным камнем коммуникативной лингвистики стало утверждение: «хорошей может быть только речь, ориентированная на адресата» [17, с. 211].

Арсенал средств адресации многообразен и включает: обращения; конструкции с местоимениями 2-го лица и соответствующими глагольными формами — так называемые ты- и вы-высказывания; мы-высказывания, объединяющие говорящего с аудиторией; императивные речевые акты; риторические вопросы и восклицания; включенные в монологическую речь вопросно-ответные комплексы, имитирующие диалог; контактоустнавливающие и метатекстовые конструкции [17, с. 212].

В текстах интервью Д. Проценко адресация часто создается как раз нестандартными экспликаторами: не наблюдается прямых обращений к предполагаемой массовой аудитории и частотности вы-высказываний. Но с целью сближения с массовым слушателем интервьюируемый периодически реализует прием имитации диалога, создающий наглядность той или иной ситуации пандемийного времени, куда включает, например, вопросительное мы-высказывание в адресующей функции:

К примеру, человек получает первый компонент вакцины, на десятый день заболевает. **Мы его считаем вакцинированным?** <...> Конечно, нет. Вакцинированным можно считать человека, у которого прошло 14 дней после введения второго компонента [14].

С позиции текстообразования интересен фрагмент интервью, в котором имитация диалога содержит в ответных репликах вымышленную речь, где воспроизведение узнаваемой массовым сознанием типовой ситуации создает условия для сближения коммуникантов:

...Какие сейчас модные разговоры в общественном месте, чем сейчас меряются мужчины? <...> Да, анти-телами. В календаре есть сезонная вакцинация от гриппа,

вы совершенно правы, и мы не задумываемся: «Так, у меня в мае были сопля, я кашлял, у меня, видимо, был грипп. Так, в сентябре по календарю мне нужно сделать прививку. А не померить ли мне антитела от гриппа?» [14]

М. Лысенко, реализуя тактику адресации, прибегает к традиционным средствам поддержания контакта. В ходе интервью она устойчиво воспроизводит конструкцию *вы знаете* в функции обращения к интервьюеру, иногда задает ему уточняющий вопрос, например: *Вы имеете в виду жалобы, характерные для омикрона?* [15]

Что касается взаимодействия с массмедийной аудиторией, то продуктивным представляется использование М. Лысенко генеритивных высказываний, включающих такие индикаторы адресации, как местоимение *мы* в значении объединения говорящего и слушающего и соответствующие глагольные формы:

Любые испытания даются нам для чего-то, в том числе и такие тяжелые испытания, для того, чтобы мы, наверное, остановились и осознали очень многие вещи для себя, в том числе как для специалистов в какой-то области, точно также для просто личностных человеческих восприятий. Мы научились понимать, что есть очень многие вещи, которых мы не замечаем, которые очень дороги для нас... [15]

Корпус исследованных пандемийных медиатекстов позволяет утверждать, что максимальный диалогический эффект обеспечивает комбинаторика адресации и авторизации в структуре сверхфразовых единств.

Так, проблему антивакцинаторства, крайне болезненную для медицинского сообщества, Д. Проценко освещает именно путем синтеза средств адресации и авторизации:

А на чём строится гипотеза антиваксеров? Это же наброс на вентилятор: «А, вы не забеременеете!» Есть какие-то исследования? Есть понятная технология создания вакцины, если говорить про «Спутник V». Она не вчерашняя. Аргументы с моей стороны, как проваксеры, очень простые — публикации непрекращающиеся, которые демонстрируют всё как есть, исследования из других стран, если вы не верите нам, российским докторам и ученым [14].

Врач задает сообществу антиваксеров несколько проблемных вопросов, в том числе и открытого типа, которые усиливает эмоционально-оценочным высказыванием *Это же наброс на вентилятор*, прототипом которого выступает английский сленгизм *when the shith its the fan*. Такой способ косвенного выражения субъективной модальности фиксирует эмоциональную реакцию Д. Проценко на частотный аргумент антиваксеров о невозможности забеременеть после прививки. Кроме того, упрочению контакта с аудиторией сомневающейся служит и использование в рамках условной придаточной конструкции *вы-оборота если вы не верите*.

Диалогичность создается также употреблением в структуре высказывания притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа и косвенного обращения: *И это второй мой довод уважаемым антиваксерам* [14].

Нестандартный подход к взаимодействию с аудиторией становится фактором обеспечения медийной популярности

Д. Проценко, добавляя к его профессиональным заслугам еще и репутацию хорошего ратора.

Тактика аксиологической экспликации

В рамках РДТ мы постулируем, что ценности получают в медиатексте, тем более турбулентного периода, свою облигаторную вербальную экспликацию, характеризуются повторяемостью и повышенной семантической значимостью, приобретая тем самым статус ключевых единиц, отвечающих за смыслообразование.

«Ключевые слова трактуются как “смысловые вехи”, которые являются своеобразными “точками контакта” воспринимаемого речевого потока с внутренней системой опыта, точками пересечения общего, объективного и индивидуального, субъективного» [18, с. 201]. Очевидно, что такое пересечение возможно только при наличии общих оснований, каковыми и выступают ценности.

С целью объективации наших представлений о круге ключевых слов мы обратились к SEO-технологии, эксплуатирующей элементы контент-анализа в части выявления ключевых знаков с опорой на принцип частотности. При этом материалом данного автоматизированного анализа выступили два относительно соотносимых по глубине проблематики и объему текста интервью — Д. Проценко «Почему я должен рисковать родными из-за антиваксеры» [14] и М. Лысенко «Рано или поздно COVID станет управляемым» [15].

Так, с помощью специализированного онлайн-сервиса Advego [<https://advego.com/text/seo/>] выявлено семантическое ядро исследуемых медиатекстов, куда вошли следующие наиболее частотные лексические единицы (> 0,5 %), имеющие в силу их повышенной смысловой мотивированности статус аксиологем:

– Д. Проценко: *пациент, вакцинация, вакцинировать, все, вакцина* (с частотой от 0,94 до 0,53 %);

– М. Лысенко: *какой-то, пациент, безусловно, инфекция, все, конечно* (с частотой от 1,24 до 0,52 %).

Выявленное семантическое ядро текстов реконструирует концептуальный замысел интервьюируемых, выступает вербальным индикатором их прагматических установок, их профессиональных ценностных ориентиров, которые из сферы личного, индивидуального распространяются на область общего, коллективного. Очевидно, что выбивается из аксиологического ряда неопределенное местоимение *какой-то*, употребляемое М. Лысенко часто в составе оборота *в какой-то степени*, выражающего некоторую осторожность, некатегоричность в условиях пандемийной неопределенности.

Примечательно, что зону семантических совпадений указанных текстов формируют лексемы *пациент* и *все*, что позволяет говорить о человекоцентричности мировоззрений обоих врачей и о диалогичности их речевой практики.

Заключение (Conclusion)

Реализованная лингвориторическая реконструкция верифицирует гипотезу о том, что средства тактического воплощения элокутивной стратегии есть свидетельство актуализации диалогичности и публичности.

Выдвижение врачей на передний план медийной практики в период пандемии при всей очевидности их социальной

роли немислимо без качественных текстов, обеспечивающих связь медицинского профессионального сообщества с населением страны и снимающих его сомнения, страхи, недовольства.

Элокутивная специфика текстов интервью Д. Проценко и М. Лысенко заключается в активном использовании средств создания диалогичности. При этом наблюдается доминирование авторизации, которая позволяет специалисту выступать рупором своей профессиональной позиции, своего знания кризисной ситуации, своего опыта, а главное — экспликатором непосредственной причастности к борьбе с коронавирусом и профессиональной заботы о людях.

Реализация тактики адресации в ситуации наличия разнородной массмедийной аудитории, в том числе и сомневающейся, приобретает нестандартные диалогизированные формы, нацеленные на вовлечение слушателей в опосредованную проблемную беседу нередко убеждающего характера.

Комбинаторика средств адресации и авторизации обладает повышенным воздействующим потенциалом и свидетельствует о высоком уровне риторической компетентности субъекта речи.

Реконструкция средств воплощения тактики аксиологической экспликации выступает способом валидации пациентоориентированности медицинского медиадискурса.

Таким образом, элокутивная специфика медицинских массмедийных текстов турбулентного периода связана напрямую с параметрами диалогичности и публичности, которые позволяют медиатексту не только в той или иной степени влиять на массовое сознание в условиях турбулентности, но и реализовывать своего рода терапевтическую функцию, связанную с воплощением идеологии консолидации и просветительства.

Такая же ситуация наблюдается и в отношении журналистского текста, который, будучи адресован к широкой аудитории, также должен учитывать особенности восприятия и взаимодействия с ней. В условиях турбулентности журналистский текст приобретает особую значимость, так как он является одним из основных источников информации для населения. Поэтому журналистам необходимо использовать все возможные средства для повышения качества своей работы и обеспечения достоверности информации.

Библиографический список

1. Кронгауз М. А. Screenlife в эпоху карантина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 735–744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744
2. Rhetorical Strategy in Forensic Speeches: Multidimensional Statistics-Based Methodology / M. Bécue-Bertaut, B. Kostov, A. Morin, G. Naro // Journal of Classification. 2014. Vol. 31, issue 1. P. 85–106. DOI: 10.1007/s00357-014-9148-9
3. Intersections Between Qualitative Inquiry, Fieldwork, and Rhetoric / D. Endres, A. Hess, S. Senda-Cook, M. K. Middleton // Cultural Studies ↔ Critical Methodologies. 2016. Vol. 16, issue 6. P. 511–524. DOI: 10.1177/1532708616655820
4. Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М. : Наука, 1991. 215 с.
5. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015. 320 с.
6. Морина (Гольшклина) Л. А. Ментальный текст-образец как ориентир риторического декодирования // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (50) : Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках : материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2022. С. 305–308.
7. Гольшклина Л. А. Риторика декодирования: теоретико-методологическое обоснование научного направления // Научный диалог. 2020. № 5. С. 9–24. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24
8. Анненкова И. В. Современная медиакартинка мира: неориторическая модель (лингвофилософский аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 60 с.
9. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. Харьков : Гуманитарный центр, 2017. 356 с.
10. Новые слова и словари новых слов. 2020 : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб. : Ин-т лингв. исследований Рос. акад. наук, 2020. 220 с.
11. Русский язык коронавирусной эпохи : моногр. / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : Ин-т лингв. исследований Рос. акад. наук, 2021. 610 с.
12. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М. : ЯСК, 2019. 440 с.
13. Проценко Д. Коронавирус не пощечина, а пендаль. Разговор без масок // Новая газета. 2020. 27 марта. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/26/84531-protsent> (дата обращения: 20.10.2022).
14. Проценко Д. Почему я должен рисковать родными из-за антиваксера // РБК. 2021. 31 июля. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/07/2021/61040f029a79479026cfcb8> (дата обращения: 20.10.2022).
15. Лысенко М. Рано или поздно COVID станет управляемым // РИА Новости. 2022. 5 марта. URL: <https://ria.ru/20220305/lysenko-1776665736.html> (дата обращения: 21.10.2022).
16. Ремезова Т. Марьяна Лысенко: Прививку надо делать однозначно // Вести.Ru : [сайт]. 2021. 28 сент. URL: <https://www.vesti.ru/article/2619554> (дата обращения: 21.10.2022).
17. Кормилицына М. А. Риторическая организация речи (адресованность речи) // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. 2-е изд. М. : ЛКИ, 2007. С. 211–222.
18. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М. : Гнозис, 2005. 543 с.

References

- Annenkova I. V. (2012) *Sovremennaya mediakartina mira: neoritoricheskaya model' (lingvofilosofskii aspekt) [Modern Media Picture of the World: Non-Rhetorical Model (Linguo-Philosophical Aspect)]**, Dr. philol. sci. diss. Abstr. Moscow, 60 p. (in Russian)
- Bécue-Bertaut M., Kostov B., Morin A., Naro G. (2014) Rhetorical Strategy in Forensic Speeches: Multidimensional Statistics-Based Methodology, *Journal of Classification*, vol. 31, issue 1, pp. 85–106, doi: 10.1007/s00357-014-9148-9 (in English)
- Bezmenova N. A. (1991) *Ocherki po teorii i istorii ritoriki [Essays on the Theory and History of Rhetoric]**. Moscow, Nauka Publ., 215 p. (in Russian)

- Deik van T. A. (2015) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]**. 2nd ed. Moscow, LENAND Publ., 320 p. (in Russian)
- Endres D., Hess A., Senda-Cook S., Middleton M. K. (2016) Intersections Between Qualitative Inquiry, Fieldwork, and Rhetoric, *Cultural Studies ↔ Critical Methodologies*, vol. 16, issue 6, pp. 511–524, doi: 10.1177/1532708616655820 (in English)
- Golyshkina L. A. (2020) Ritorika dekodirovaniya: teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie nauchnogo napravleniya [Decoding Rhetoric: Theoretical and Methodological Substantiation of the Scientific Direction], *Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]*, no. 5, pp. 9–24, doi: 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24 (in Russian)
- Kormilitsyna M. A. (2007) Ritoricheskaya organizatsiya rechi (adresovannost' rechi) [Rhetorical Organization of Speech (Addressing of Speech)]*, *Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B. (eds.) Khoroshaya rech' [Good Speech]**. 2nd ed. Moscow, LKI Publ., pp. 211–222. (in Russian)
- Kozlovskaya N. V. (ed.) (2020) *Novye slova i slovari novykh slov. 2020 [New Words and Dictionaries of New Words. 2020]**. Saint Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniy Rossiiskoi akademii nauk Publ., 220 p. (in Russian)
- Krongauz M. A. (2020) Screenlife v ehpokhu karantina [Screenlife in the Age of Coronavirus Lockdown], *Kommunikativnye issledovaniya [Communication Studies]*, vol. 7, no. 4, pp. 735–744, doi: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744 (in Russian)
- Lysenko M. (2022) Rano ili pozdno COVID stanet upravlyaemym [Sooner or Later, COVID Will Become Manageable]*, *RIA Novosti [RIA News]**, March 5. Available at: <https://ria.ru/20220305/lysenko-1776665736.html> (accessed: 21.10.2022). (in Russian)
- Morina (Golyshkina) L. A. (2022) Mental'nyi tekst-obrazets kak orientir ritoricheskogo dekodirovaniya [Mental Text Sample as Orientation for Decoding Rhetoric], *Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]*, issue 3 (50): *Kognitsiya, kul'tura, kommunikatsiya v sovremennykh gumanitarnykh naukakh [Cognition, Culture, Communication in Contemporary Humanities]**. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., pp. 305–308. (in Russian)
- Paducheva E. V. (2019) *Ehgotsentricheskie edinitsy yazyka [Egocentric Units of Language]**. 2nd ed. Moscow, YASK Publ., 440 p. (in Russian)
- Priemysheva M. N. (ed.) (2021) *Russkii yazyk koronavirusnoi ehpokhi [Russian Language of the Coronavirus Era]**. Saint Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniy Rossiiskoi akademii nauk Publ., 610 p. (in Russian)
- Protsenko D. (2020) Koronavirus ne poshchechina, a pendal'. Razgovor bez masok [Coronavirus Is Not a Slap, But a Kick. Conversation Without Masks]*, *Novaya gazeta [New Newspaper]**, March 27. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/26/84531-protsesto> (accessed: 20.10.2022). (in Russian)
- Protsenko D. (2021) Pochemu ya dolzhen riskovat' rodnymi iz-za antivaksera [Why Should I Risk My Relatives Because of the Antivaxer]*, *RBK*, July 31. Available at: <https://www.rbc.ru/society/31/07/2021/61040f029a79479026cfc8> (accessed: 20.10.2022). (in Russian)
- Remezova T. (2021) Mar'yana Lysenko: Privivku nado delat' odnoznachno [Vaccination Must be Done Unequivocally]*, *Vesti.Ru [News.Ru]**, September 28. Available at: <https://www.vesti.ru/article/2619554> (accessed: 21.10.2022). (in Russian)
- Ticher S., Meier M., Vodak R., Vetter E. (2017) *Metody analiza teksta i diskursa [Methods of Text and Discourse Analysis]**. Kharkiv, Gumanitarnyi tsentr Publ., 356 p. (in Russian)
- Zalevskaya A. A. (2005) *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy [Psycholinguistic Research. Word. Text: Selected Works]**. Moscow, Gnozis Publ., 543 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.